

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

ООО «САДРА»

Москва 2014

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ ИСЛАМСКОГО МИРА

Ответственный редактор серии
член-корреспондент РАН
А. В. Смирнов

Переводы

Том 2

ИБН АРАБИ

ИЗБРАННОЕ

ТОМ 2

Перевод с арабского, вводная статья
и комментарии А. В. Смирнова

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

ООО «САДРА»

Москва 2014

УДК 28:141.336
ББК 86.38-8
И 14

16+

*Серия учреждена
Ученым Советом Института философии РАН*

Издание осуществлено при поддержке
Фонда исследований исламской культуры

Ибн Араби

И 14 Избранное. Т. 2 / Перевод с арабского, вводная статья и комментарии А. В. Смирнова. — М.: Языки славянской культуры: ООО «Садра», 2014. — 400 с. — (Философская мысль исламского мира: Переводы. Т. 2).

978-5-9551-0667-0

978-5-906016-16-4

Второй том «Избранного» Ибн Араби содержит отрывки из «Мекканских откровений» — самого значительного труда Величайшего шейха. Это «Тезисы», в которых дано авторское изложение учения Ибн Араби; «Вопросы и ответы», где раскрываются центральные положения его учения; «Наставления ищущему Бога», обращенные к ученикам, вставшим на путь суфизма.

В исследовательской части книги дана экспликация процессуальной логики и ее законов, рассмотрено ее соотношение с логикой Аристотеля, предназначенной для работы с субстанциями. В комментарии подробно продемонстрировано значение учета процессуальной логики для понимания смысла текстов Ибн Араби.

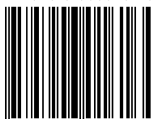
ББК 86.38-8

ISBN 978-5-9551-0667-0

9 785955 106670 >

ISBN 978-5-906016-16-4

9 785906 016164

© А. В. Смирнов, 2014
© Фонд исследований исламской культуры, 2014
© Языки славянской культуры,
оформление, макет, 2014
© ООО «Садра», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Смирнов А. В.</i>	
Шкатулка скупца, или почему мы верим в законы логики	9
<i>Ибн ‘Арабī.</i>	
Мекканские откровения (избранное)	75
Введение	77
Об учении избранных из народа Божьего, полученном путем умозрения и откровения [Тезисы].	86
<i>(Текст)</i>	86
<i>(Текст и комментарий)</i>	109
Тезис [1]	109
Тезис [2]	111
Тезис [3]	124
Тезис [4]	125
Тезис [5]	146
Тезис [6]	150
Тезис [7]	154
Тезис [8]	163
Тезис [9]	164
Тезис [10]	165
Тезис [11]	165
Тезис [12]	167
Тезис [13]	167
Тезис [14]	169
Тезис [15]	174
Тезис [16]	175
Тезис [17]	176
Тезис [18]	179
Тезис [19]	182
Тезис [20]	183
Тезис [21]	184
Тезис [22]	184

Тезис [23]	185
Тезис [24]	187
Тезис [25]	190
Тезис [26]	192
Тезис [27]	199
Тезис [28]	206
Тезис [29]	209
Тезис [30]	210
Тезис [31]	211
Тезис [32]	212
Тезис [33]	213
Тезис [34]	214
Тезис [35]	215
Тезис [36]	217
Тезис [37]	219
Тезис [38]	223
Тезис [39]	224
Тезис [40]	224
Тезис [41]	224
Тезис [42]	228
Тезис [43]	228
Тезис [44]	229
Тезис [45]	229
Тезис [46]	230
Тезис [47]	230
Тезис [48]	231
Тезис [49]	232
Тезис [50]	237
Тезис [51]	237
Тезис [52]	240
Тезис [53]	240
Тезис [54]	243
Тезис [55]	244
Тезис [56]	246
Тезис [57]	248
Тезис [58]	249
Тезис [59]	250
Тезис [60]	253
Тезис [61]	254
Тезис [62]	254

Тезис [63]	257	
Тезис [64]	258	
Тезис [65]	259	
Глава 73. О знании числа тайн, что открываются свидетельствующему при встрече лицом к лицу, а также об отклонении от встречи и о том, насколько он отклоняется от нее [Вопросы и ответы]		262
Раздел.	262	
Вопрос 23. Каков смысл его (мир ему!) речения: «Бог был, а с Ним — ничего»?	265	
Вопрос 24. Что есть начало имен?	271	
Вопрос 39. Что есть Величайший разум, от которого были отделены разумы для всех Его творений?	280	
Вопрос 40. Каков атрибут Адама?	284	
Вопрос 41. Чем удостоен он?	289	
Вопрос 42. Каково его устройство, то есть устройство Адама, или человека?	295	
Вопрос 43. Что такое устройство?	309	
Вопрос 44. Почему Он назвал его человеком?	311	
Вопрос 116. Что такое напиток любви?	321	
Вопрос 117. Что такое чаша любви?	336	

Смирнов А. В.

Архитектоника сознания и архитектоника текста:

вместо введения к «Наставлениям ищущему Бога»	339
Завершающая, 560-я глава, содержащая мудрые наставления, полезные — с Божьей помощью — ученикам, вставшим на Путь, достигшим Цели, а также всем, кто в них вникнет [Наставления ищущему Бога]	346
(Текст)	346
(Текст и комментарий)	354

Смирнов А. В.

ШКАТУЛКА СКУПЦА, ИЛИ ПОЧЕМУ МЫ ВЕРИМ В ЗАКОНЫ ЛОГИКИ

Выглянув из окна на улицу, я говорю: «Сегодня снег — не белый». Сказав это, я не мог бы сообщить собеседнику ровным счетом никакой позитивной информации, если бы мы оба не подразумевали при этом, что (во-первых) снегу может быть приписан цвет, что (во-вторых) цвет бывает белым и не-белым и (в-третьих) любой цвет, не являющийся белым, является не-белым. В таком случае мой собеседник, услышав от меня, что сегодня снег на улице — не белый, понимает, что снег имеет какой-то другой цвет, в принципе — любой, кроме белого; это заключение чисто логического свойства он помещает в контекст своего опыта и делает вывод, что снег, скорее всего, давно не выпадал, а потому превратился в желто-коричневый из-за разбросанных на улицах песка и соли или даже приобрел черный оттенок, впитав грязь городского воздуха.

Но откуда мой собеседник *узнал* все это — ведь я этого *не говорил*? Какой именно цвет может иметь снег и почему, он вывел из своего опыта; заключение о том, что снег вообще имеет цвет, служит обобщением этого опыта. Однако по опыту он знает также, что снег имеет температуру, что он может быть пушистым или слежавшимся, сухим или мокрым, искристым или тусклым, и так далее. Откуда мой собеседник узнал, что, отрицая белизну снега, я подразумеваю некий другой его *цвет* — а не какое-то еще его качество? А ведь я мог и вовсе ничего не подразумевать, а просто отрицать белизну снега?

Он знает это только потому, что знает, что отрицание «не белый» построено не как абсолютное. Будь так, фраза «снег — не белый» означала бы «снег не есть белый» и, следовательно, снег мог бы быть каким угодно, кроме белого (например, мокрым и легко лепиться в снежки или, наоборот, пушистым и легко сметаться с ветрового стекла машины), или вообще не быть никаким. Отрицание «не белый» предполагает другую фразу: «снег есть не-белый», что не прос-

то отрицает белизну снега, но утверждает наличие некоторого другого цвета снега, иного, нежели белый.

Но вопрос остается: откуда у моего собеседника, понявшего мою фразу (да и, видимо, у меня, построившего ее именно так), все это знание? Знание, которым обладаем мы оба — и, наверное, огромное множество людей, с которыми мы можем общаться, строя подобные фразы?

Связность

Это знание никак не эксплицируется, никак специально не проговаривается — и тем не менее им обладают все. Такое возможно, только если данное знание вплетено в ту «субстанцию», благодаря которой происходит наше общение. Как человек, копающий землю, не может не знать, как пользоваться лопатой, даже если не изучал физику и механику и не знает формул, определяющих давление режущей кромки на твердый предмет или законы рычага, — так и человек, способный окунуться в осмысленность (способный сформировать осмысленную речь и понять речь как осмысленную), не может не знать ее законов, пусть никогда не слышал о них и не способен изложить их в явном виде. Вернемся к нашему примеру: источник того знания, которым обладаем я и мой собеседник, — *связность осмысленности*.

Связность изначальна; она не привносится в речь, выстроенную из слов-кирпичиков. Удивительно настойчивое стремление истолковать осмысленную речь (и вообще любую осмысленность) в рамках атомистической стратегии, разъяв ее на «составляющие» и далее моделируя процесс «составления» осмысленной речи из этих атомарных «значений» (неважно, лексических или грамматических), не может быть успешным в принципе. Связность изначальна, потому что это — целостность; она может быть дана только *сразу*, но не может быть выстроена задним числом из собственных осколков. Надо *начинать* со связности, а никак не с атомарных «значений»: целостность связности редуцируется к этим значениям, но не может быть восстановлена из них.

Обладаем ли мы связностью; можем ли представить ее на обозрение, объективировать, сделать предметом рассмотрения? Мы не можем не владеть ею интуитивно, не можем не обладать ею уже потому, что способны к осмысленности, что интуитивно владеем ее законами. Но интуиция может ошибаться, она может быть более или менее отчетливой. Опытный землекоп знает, как держать черенок

лопаты, чтобы при том же усилии достичь максимального эффекта, но новичок, скорее всего, не владеет этим искусством; он может двигаться наощупь, а может, зная законы рычага, сократить свой путь. Так и с осмысленностью: мы все способны передвигаться в этой среде, но знание ее законов делает такое передвижение куда более эффективным. Как могут быть эксплицированы законы осмысленности?

Их ближайшим раскрытием, следующим — после введения категории «связность» — шагом послужит указание на неразрывность отношений противоположения-и-объединения.

Противоположение-и-объединение

Противоположение только потому *имеет смысл*, что оно совершается в рамках некоего единства; единство, напротив, только потому *имеет смысл*, что раскрывается через свое внутреннее противоположение. Мы знаем, что фраза «снег — не белый» означает, что снег имеет какой-то другой цвет; мы знаем это только потому, что знаем, что «не белый» — это отрицание, выстроенное внутри категории «цвет», и что «белый» дополняет это отрицание до полного: что, иначе говоря, фраза «снег — не белый» означает то же самое, что «снег — какого-то цвета, кроме белого». Это знание о равнозначности двух фраз имеет своим источником связность, и более ничего: неразрывность, открываемая нами дискурсивно, в последовательном рассуждении, имеет своим источником связность — компактную, упакованную целостность, природу которой нам предстоит раскрыть.

Итак, мы знаем, что фраза «снег — не белый» означает то же самое, что фраза «снег — какого-то цвета, кроме белого». Эти две фразы — одно и то же; это, если угодно, одна и та же фраза.

С другой стороны, в этих двух фразах — разные содержательные элементы. В первой у нас только «снег» и «белый»; во второй — «снег», «цвет» и «любой, кроме белого». Но две фразы различаются не только этим; они различаются и тем, что носит название формально-логических элементов.

В первой фразе у нас отрицание «не-», а во второй — имплицитное отрицание «кроме». Поскольку вторая фраза, которую мы формулируем так: «снег — какого-то цвета, кроме белого», — может быть сформулирована и иначе: «снег — какого-то цвета, который является не-белым», то в этой формулировке мы вместо имплицитного отрицания «кроме» получаем эксплицитно выраженное отрицание «не».

Далее, в обеих фразах мы имеем предикационную связку «есть», хотя она и не выражена явно. Учитывая все это, мы можем переформулировать наши две фразы таким образом:

(1) снег есть не белый

(2) снег есть какого-то цвета, который не белый

Эти две фразы, как мы видели, равнозначны; это, по сути, одна фраза. Мой собеседник, которому я высказал ее в формулировке (1), воспринял ее в формулировке (2). Его восприятие правильно; и мы можем даже записать следование:

(3) «снег есть не белый» $\Rightarrow$ «снег есть какого-то цвета, который не белый»

Стрелка $\Rightarrow$ означает, что из левой части вытекает правая, что они в этом смысле равнозначны, говорят одно и то же.

Однако вопрос, который задан, остается: на каком основании мой собеседник смог выстроить следование (3)? Почему простое отрицание белизны привело к появлению *нового* содержательного элемента — «цвет»? Откуда он *узнал*, что отрицание белизны снега — это нечто большее, чем отрицание его белизны: это, во-первых, утверждение о том, что снег вообще имеет цвет, а во-вторых, о том, что если этот цвет не белый, значит, он какой-то другой?

Могут сказать, что понятие цвета имплицитно содержится в понятии белизны, поскольку «снег белый» и «снег белого цвета» — это одно и то же. С этим можно было бы согласиться, имея в виду, скажем, тот факт, что физический смысл обоих высказываний — один и тот же: электромагнитная волна определенной длины, отражаемая снегом, и совершенно не важно, назовем ли мы ее белизной или белым цветом, поскольку в любом случае она останется тем, что она есть, — электромагнитной волной такой-то длины. Различие между двумя высказываниями — это различие смысла, а не значения (во фрегевском понимании).

Однако это возражение против нашего права задать свой вопрос (откуда собеседник знает, что фразы (1) и (2) равнозначны, или в чем основание следования (3)) все же не достигает своей цели. Если бы дело ограничивалось отсылкой к некоему физическому факту, то отрицание того, что снег отражает волну определенной длины, ровным счетом ничего не значило бы, кроме этого отрицания. Если бы высказывание (1) понималось как фиксация строго понятого значения (снег не отражает волну такой-то длины), то высказывание (2) не могло бы вытекать из (1). Между тем оно вытекает, и это — не ошибка, вызванная нашей манерой использовать язык, и не иллюзия сознания, а не-

преложный факт, подтверждаемый наблюдением. Если же скажут, что высказывание (2), истолкованное как физический факт (снег отражает волну некой длины, не равной длине волны белого), все же вытекает из (1), то это будет верно лишь потому, что мы каким-то образом будем *знать*, что снег вообще отражает волну некоторой длины, и только в силу этого — знать, что ее длина иная, нежели длина волны, воспринимаемой как белый цвет. Откуда взялось это знание — именно этот вопрос я и задаю: ведь мы не имеем ничего, кроме высказывания (1), которое каким-то, пока необъяснимым для нас образом влечет высказывание (2).

С утверждением о том, что понятие цвета имплицитно содержится в понятии белизны, поскольку «снег белый» и «снег белого цвета» — это одно и то же, можно было бы согласиться и на другом основании. Цвет — родовое понятие, и белизна, как и другие обозначения цветов, имплицитно содержится в понятии цвета, поскольку, говоря «цвет», мы не имеем в виду ничего иного, кроме «белый, или желтый, или красный... или фиолетовый», перебирая весь цветовой спектр. Можно выразить это и более компактно, сказав, что «цвет» означает «белый или не-белый», если «не-белый» — это любой цвет, кроме белого.

Это все верно, но и это скорее подтверждает право задать наш вопрос, нежели отвергает его. Ведь говоря «белый», я вовсе не подразумеваю ничего, кроме моего восприятия определенного цвета; отрицая это восприятие в отношении снега, я опять-таки не говорю ничего, кроме того, что в данном случае отсутствует такое восприятие. Откуда мой собеседник знает всю хитрую родовидовую механику, позволяющую ему вывести (2) из (1)?

Да и использует ли он ее? Следование (3) будет ощущаться как правильное и будет произведено сознанием едва ли не любого человека, для этого нет нужды изучать родовидовое строение понятий и знать законы противоречия и исключенного третьего. Основание следования (3) — какое-то другое, вовсе не эта эксплицитная теория; хотя теория схватывает и разъясняет важные вещи, не она работает в сознании человека, который интуитивно и безошибочно производит следование (3).

Что подобные ощущения носят интуитивный характер и не нуждаются в эксплицитной теории, подтверждает и такой пример. Все помнят, что ответил Остап Бендер на вопрос озадаченного руководителя речной агитационной поездки, увидевшего, что вместо обещанного «мальчика» на борт судна поднимается Киса Воробьянинов. Остап сказал тогда: «Кто скажет, что это девочка...». Почему это смешно?

Да потому, что спонтанно выстраиваемая нами по опыту языка оппозиция для слова «мальчик» будет и в самом деле «девочка» (а не «немальчик», как того требовала бы логика): смешно и представить себе Кису девочкой, смешон и руководитель, которому нечего ответить на этот «убийственный» довод; смешно, наконец, и то, как выстроено это суждение: софистическое нарушение принципа дихотомии приводит к видимости логически-неопровержимого вывода. Эту ситуацию нетрудно истолковать, зная начала родовидовой логики; но верно и то, что любой читатель смеется, вовсе не воспроизводя в своей голове все эти построения: восприятие интуитивно, и все то, что было сказано в развернутом виде, оказывается в голове читателя в некоем «свернутом» состоянии.

В чем же основание этой интуиции; интуицией *чего* она является? Что именно мы знаем, когда знаем, что правильно следование (3)?

Сжатость и развернутость, интуиция и дискурсивность

Мы как будто не знаем ничего определенного, что обосновывало бы следование (3): задав этот вопрос самим себе или другим и попытавшись ответить на него столь же спонтанно, сколь спонтанно мы улавливаем само следование (3), мы скорее всего не получим внятного ответа. И в то же время мы знаем, что следование (3) — правильное. Наше знание интуитивно в том смысле, что оно не развернуто; оно сжато и каким-то образом спрятано от нас самих. Но оно оставляет свой след: что этот след имеется, очевидно хотя бы потому, что следование (3) не смущает нас, оно кажется оправданным, оно комфортно для нас. Каков источник этой неэксплицированной уверенности, обосновывающей развернутость нашего знания, и как можно говорить о ней?

Мы говорим, что основание следования (3) для нас интуитивно. Это значит, что оно сопротивляется разворачиванию в привычной речевой форме. Оно как будто хочет остаться неразвернутым; как будто желает сохранить свою сжатость. Однако само следование (3) развернуто, оно дано нам дискурсивно, как наша речь.

Это противостояние, это напряжение между сжатостью, неэксплицированностью, с одной стороны, и развернутостью, дискурсивностью — с другой, определяет динамику смыслополагания. Мы разворачиваем в речи то, что сжато и целостно, — но никогда не разворачиваем это до конца. Развернутость неизбежно предполагает дискретность, атомарность смысловых единиц, которые в нашей речи

воспринимаются как отдельные значения. Целостность и сжатость, напротив, невозможны без слитости и непрерывности — без той целостности, в которой любое атомизируемое в нашей речи значение черпает свою силу быть значением.

Научность, доказательность, объективность, правильность (этот ряд можно продолжить) знания часто, если не всегда, ассоциируются с его развернутостью, представленностью на всеобщее обозрение. Такая развернутость дает всем возможность судить о том или ином высказывании. Только развернутость объективирует знание и позволяет моему собеседнику проделать те же самые ходы, что проделал я, и убедиться в оправданности (или ошибочности) моего рассуждения.

То, что сжато и неразвернуто, что ощущается нами как целостность «внутри» нас, не может быть объективировано и представлено на суд другого. Объективированному знанию, развернуто представленному на всеобщее обозрение и суд, противостоит эта внутренняя уверенность, сопротивляющаяся разворачиванию и, следовательно, объективированию. Она как будто ничем не обоснована, кроме себя самой: мы уверены, потому что уверены; мы не можем предъявить никаких доказательств и обоснований этой *предельной* уверенности.

Может быть, совсем не случайно эта предельная уверенность остается свернутой и сопротивляется разворачиванию? Если суть философии заключается в том, чтобы стремиться прояснить предельные основания любого нашего рассуждения, ей следовало бы сделать своим предметом именно это. Но как можно прояснить то, что само служит основанием любого прояснения; как можно *отстранить* то, что предельно: ведь тогда надо преодолеть его предельный характер, а значит, уничтожить эту предельность? Разве не выглядит это как подвиг барона Мюнхгаузена, решительным рывком выдернувшего себя за волосы из болота и так избежавшего верной гибели?

И все же есть возможность *отстранить от себя*, одновременно сохранив *предельный* характер этой фундаментальной, конечной интуиции, составляющей основание любой объективной достоверности знания, основание логики. Это можно сделать только *на контрасте*. На эту возможность пока не обращали внимания, не замечали ее — и тем не менее она существует.

Дело в том, что предельная уверенность может быть разной, точнее, *одна и та же* уверенность (все та же предельная очевидность, все то же предельное основание разворачивания знания) может быть «исполнена» *по-разному*. Оставаясь предельной, она тогда отстранена от меня как *иная*, — хотя, будучи иной реализацией *той же самой*

предельной уверенности, она одновременно и *неиная*. Мы можем *ту же* предельную уверенность, *то же* предельное основание высказать *иначе*.

Но если так, то и развернутое знание, основывающееся на этой *иначе* выполненной, но *той же самой* предельной уверенности, будет иным — хотя в своем основании тем же самым. Отношение контраста, которое связывает *разные* исполнения *одной и той же* предельной интуиции, связывает и развернутые, объективированные результаты смыслополагания, которые черпают свою логическую и смысловую силу в этой свернутости.

Каким же может быть *иное* исполнение *той же самой* предельной уверенности, которая лежит в основании следования (3) и которая ощущается нами интуитивно, не только не требуя разворачивания, но и сопротивляясь ему?

Разворачивание осмысленности: субъектность и предикация

Отвечая на этот вопрос, нельзя апеллировать к интуиции: необходимо представить развернутое рассуждение. Но разве можно развернуть интуицию? — ведь тогда она перестает быть интуицией; она превращается в то, что сама же и обосновывает — в дискурсивность. Это похоже на тупик; и тем не менее выход есть. Интуицию в самом деле нельзя развернуть; но можно дать понять, чем она *не* является, во-первых, и, во-вторых, с чем может быть максимально сближена.

Обратим внимание: развернутость нашей речи, равно как развернутость нашей мысли (в этом между ними нет различия), предполагают субъектность. Мы не можем ясно говорить или отчетливо мыслить, не фиксируя субъекта высказывания (субъекта нашей мысли). Субъект — это то, *о чем* мы говорим. Субъект, подлежащее разворачиваемого нами предложения, требует предикат — свое сказуемое, то, *что* говорится. Мы не можем развернуть речь иначе, нежели полагая субъектность. Полагание субъекта и связанное с этим полагание предиката — необходимый шаг смыслополагания и первый, совершающийся в сфере развернутости.

Конечно, возможны бессубъектные языковые формы предложений, например, «подойди!», «уже вечер» или «что-то нездоровится». Однако нет языковой формы предложения, которая не могла бы быть приведена к субъект-предикатному виду. «Я хочу, чтобы ты подошел»,